

A man in medieval armor and a woman in a blue dress standing in a forest. The man is on the left, wearing a red cape and a sword at his waist. The woman is on the right, wearing a blue dress with gold accents. They are looking at each other in a forest setting with trees and a waterfall in the background.

Андрей Помыткин

Глас безмолвия

Андрей Помыткин

Глас безмолвия

<https://litres.ru/74097034>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его дар — смерть. Её — жизнь. Встреча проклятого солдата и лесной ведьмы изменит мир.

Андрей Помыткин

Глас безмолвия

Глава 1

ГЛАВА 1

В которой Агата прокликает всё на свете, а мир даёт ей повод

Трава пахла полынью и утренней росой. Агата любила этот запах. Он был единственным, что не вралю.

Она стояла на коленях на опушке Кленовского леса, запустив пальцы в сырую землю, и слушала, как дышит поле. Это было её главное умение — слушать. Не ушами, а всем телом, кончиками пальцев, кожей, даже зубами. Она чувствовала, как под слоем чернозёма шевелились корни, как где-то глубоко, на недосыгаемой глубине, просыпался после зимы старый корень, который помнил ещё тех людей, что строили эту деревню двести лет назад.

— Ну и? — раздался голос из-за её спины. — Ты будешь ещё час сидеть на пятой точке или скажешь наконец, что там у тебя?

Агата не обернулась. Она знала, что за её спиной стоит Михалыч, её единственный и оттого самый надоедливый пациент. Местный кузнец, который в свои пятьдесят два года

умудрился схватить простуду, потому что решил, что «магия железа сильнее магии ветра», и вышел ковать под дождь без шапки.

— У тебя температура? — спросила она, не оборачиваясь.

— Нет, — буркнул он. — Я вообще здоров, как бык. Пришёл вот проверить, не померла ли ты тут от голода, сидючи в лесу.

Агата вздохнула и наконец поднялась. Отряхнула юбку, поправила корсет, который вечно сползал на одно плечо, и повернулась к кузнецу.

Михалыч стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на неё с тем особым выражением, которое в Кленовке называли «старостовским». Хотя старостой он не был. Старостой была его жена, Матрёна, но Михалыч считал, что если он кузнец, то он главный по силе, а значит, и по правде.

— Ты заболел, Михалыч, — сказала Агата. — Я же вижу.

— А ты откуда знаешь? Спиной, что ли, чувствуешь?

— Слышу, как ты дышишь. С хрипом. И кашляешь ты уже третий раз, пока я тут стою.

Михалыч поперхнулся и закашлялся. Агата улыбнулась.

— Вот. Давай сюда руку.

Она подошла к нему, взяла его мозолистую, пахнущую металлом ладонь и прижала пальцы к запястью. Михалыч засопел, пытаясь сделать вид, что ему неинтересно, но Агата чувствовала, как бьётся его пульс — слишком быстро, слишком неровно.

— Ложись, — сказала она коротко. — Три дня будешь пить отвар из зверобоя и малины. И без работы.

— Так я ж лошадь подковать должен! — возмутился он.

— Лошадь подождёт. А если ты помрёшь, лошадь будет подковывать кто-то другой. И платить ему будешь не ты, а твоя вдова. Ты этого хочешь?

Михалыч открыл рот, чтобы возразить, но Агата уже развернулась и пошла к своей избе, стоявшей на самом краю деревни, прямо у кромки леса. Дом был старым, но крепким. Дед Агаты построил его из лиственницы, которая не гниёт, и поставил на каменный фундамент, чтобы даже в самые сильные паводки вода не зашла внутрь.

Сейчас, в мае, вокруг дома цвела сирень. Целая стена белых и лиловых гроздьев, от которых голова шла кругом. Агата любила сирень. И ненавидела её одновременно. Потому что запах сирени напоминал ей об отце.

Не думай об этом, одёрнула она себя. *У тебя есть дела.*

Она вошла в дом, бросила корзину с травами на лавку и подошла к печи. В углу, на подоконнике, стояли три глиняных горшка, в которых она выращивала лекарственные растения для своих отваров. Агата присела на корточки и провела пальцем по листу мяты, проверяя, не нужна ли ей вода.

Мята была в порядке. А вот Melissa — та, что стояла справа — подвяла. Её листья стали жёлтыми и скрутились на концах.

— Что за ерунда? — пробормотала Агата. — Я же поли-

вала тебя вчера.

Она поднесла горшок поближе к свету и присмотрелась. Мелисса не была засушена — она была **высушена**. Это была разница. Будто кто-то за несколько часов вытянул из неё всю влагу, всю жизнь, оставив только хрупкую, ломкую оболочку.

Агата нахмурилась. Такого с её растениями ещё не случилось. Она была хорошей хозяйкой, она знала, сколько воды нужно каждому цветку, в какое время суток лучше их поливать и когда пересаживать. Мелисса не могла засохнуть просто так.

— Странно, — сказала она вслух.

Откуда-то издалека донёсся звук — дребезжащий, металлический. Агата выглянула в окно и увидела, как над деревней пролетает «жучка». Маленький артефакт размером с кулак, похожий на механическую стрекозу, с крыльями из тонкой бронзы и светящимся кристаллом в брюшке.

Жучка была почтовой. Она несла письма из Технограда. Агата скривилась.

— Иди ты к лешему, — буркнула она. — Опять от Кострова, наверное.

Жучка, как назло, сделала круг над её избой и приземлилась прямо на подоконник. Крылья сложились, кристалл погас. Из маленького отсека в брюшке выпал запечатанный конверт с гербом Совета Архитекторов.

Агата взяла конверт двумя пальцами, будто тот был зараз-

ным. Она не любила Техноград. Там, в городе из кирпича и стекла, пахло маслом и озоном, а магия была запрещена, потому что она «мешала машинам». Её отец, когда был жив, называл Техноград «могильником», потому что в нём хоронили душу.

Она разорвала конверт и пробежала глазами письмо. Оно было коротким:

«Уважаемой госпоже Агате, знахарке Кленовки, напоминаем, что её лицензия на целительство истекла три месяца назад. Для продления необходимо явиться в Техноград до первого числа следующего месяца для проверки знаний. В случае неявки целительская деятельность будет считаться незаконной, и ей грозит штраф и конфискация имущества.»

С уважением, Отдел по контролю за магической и лекарственной деятельностью».

Агата сжала письмо в кулак и, не выдержав, швырнула его в печь. Бумага вспыхнула и сгорела за мгновение, превратившись в чёрный пепел.

— Идиоты! — крикнула она в пустоту. — Проверка знаний! Да я тут, между прочим, всю деревню лечу! И коров, и лошадей, и этих ваших дирижаблистов, когда они падают с небес!

Она замерла, переводя дыхание. Потом провела рукой по лицу и выдохнула.

— Ладно. Значит, надо ехать.

Агата взяла с вешалки старый, потрёпанный плащ отца и накинула его на плечи. Плащ был ей велик, но она носила его уже три года и менять не собиралась. Он пах отцом — деревом, книгами и тайнами.

Она уже взялась за дверную ручку, когда заметила ещё одну странность. На полу, у порога, лежал цветок. Тот самый, что утром рос у крыльца — полевой василёк. Теперь он лежал на досках, засохший до хруста, будто его кто-то сорвал и забыл. Но Агата знала, что она не рвала васильков. Она их не любила — они слишком быстро вяли.

Она подняла цветок. Он рассыпался в её руке, как пепел. — Что за чертовщина? — прошептала она.

В этот момент на улице раздался громкий, пронзительный лай. Это был не обычный лай — это был тревожный, заливи-стый, почти истеричный. Лай Белки, её собаки. Белка никогда не лаяла без причины. В прошлом году она промолчала даже тогда, когда в деревню забрёл медведь.

Агата выбежала из дома.

На улице было тихо. Солнце стояло высоко, летний день обещал быть жарким. Но Белка стояла у калитки, ошестинившись, и лаяла на лес.

— Что там, девочка? — спросила Агата, подходя к собаке. — Там кто-то есть?

Белка, в ответ на её голос, поджала хвост и тявкнула куда-то в сторону тропы, ведущей от леса к деревне. Агата при-

шурилась и вгляделась вдаль.

Вдоль опушки, утопая в высокой траве, лежал человек.

Агата замерла. Человек не двигался. Он лежал на животе, одна рука была неестественно вывернута, под ним уже начала растекаться тёмная лужа. Это была кровь.

— Господи, — выдохнула она и побежала.

Собака заливисто залаяла, но не кинулась следом — она осталась стоять у калитки и смотрела на человека волчьим взглядом.

Агата бежала так быстро, как только могла, и уже через минуту была рядом. Она опустилась на колени, перевернула тело на спину и замерла.

Перед ней лежал мужчина. Ему было лет тридцать, не больше. Лицо — острое, с высокими скулами и прямой линией носа, покрытое лёгкой щетиной. В уголке губ засохла кровь. Глаза были закрыты, но даже сквозь веки чувствовалась какая-то тяжесть — будто он не просто потерял сознание, а провалился в очень глубокий, очень тёмный сон.

Агата быстро обследовала его. Огнестрельных ран не было. Были рваные раны — как будто его кто-то царапал металлическими когтями. Одна была на плече, глубокая, почти до кости. Вторая — на боку. И ещё одна, самая страшная, под левым ребром.

— Кто же тебя так? — пробормотала она, расстегивая его куртку.

Мужчина не отреагировал. Он был без сознания, но его

тело дышало — слишком часто и поверхностно. Агата понимала: без помощи он умрёт через час-два.

— Я тебя не брошу, — сказала она, обращаясь больше к себе, чем к нему. — Держись.

Она нащупала у него пульс — слабый, нитевидный. Потом перекинула его руку через плечо и попыталась поднять.

Он был тяжелее, чем казался. Не жирный, нет — поджарый, сухой, как костяк. Но вес был каким-то неправильным, словно он был сделан из камня. Агата кряхтела, но кое-как дотащила его до калитки. Белка уже сидела в стороне, не лаяла, не скулила, просто смотрела.

— Спасибо за помощь, — проворчала Агата, волоча тело к избе. — Ещё и ты на меня пялишься.

Она затащила мужчину в дом, уложила на топчан у печи. Он не открывал глаз. Агата быстро развела огонь, поставила греться воду, достала из шкафа чистые тряпки и несколько баночек с мазями.

Когда она начала разрезать его одежду, чтобы обработать раны, она заметила ещё одну странность. На его груди висел массивный амулет — серебряный кулон в форме волчьего клыка. На нём были выгравированы руны, которые Агата не узнала. Но что-то в этом кулоне было не так. Он был холодным. Слишком холодным. Даже на фоне бледного тела мужчины, который явно пролежал на холодной земле не меньше часа.

— Сейчас разберёмся, — пробормотала она, снимая аму-

лет и кладя его на стол.

И в этот момент произошло странное. Когда амулет отошёл от тела мужчины, в комнате что-то изменилось. Свет в печи на мгновение померк, а по полу пробежала холодная волна. Цветы на подоконнике — все три горшка — вдруг завяли на глазах. Листья пожелтели, стебли согнулись, и через пару секунд они превратились в сухой, мертвый хворост.

Агата попятилась.

— Что за... — прошептала она.

Она перевела взгляд на мужчину. Он лежал на топчане, истекая кровью, и — Агата могла бы поклясться — вокруг его тела воздух слегка дрожал. Как в жаркий день над дорогой, но только здесь не было жара. Здесь был холод.

Она подошла к подоконнику и коснулась мёртвого листа. Он рассыпался в пепел у неё в руке.

— Нет, — сказала она себе твёрдо. — Нет, этого не может быть. Я просто перенервничала.

Она взяла амулет со стола и, помедлив, снова надела его на шею мужчине. Металл коснулся его груди, и в тот же миг дрожание воздуха прекратилось. Свет в печи стал ярче. А цветы на подоконнике... они продолжали оставаться мёртвыми.

Агата села на лавку, глядя на руки. На них была кровь. Чужая кровь. Но она чувствовала в себе не страх, а странное, почти детское любопытство.

— Кто ты такой? — спросила она у бессознательного муж-

чины. — И почему от тебя умирают цветы?

Он, конечно, не ответил. Но когда Агата наклонилась, чтобы перевязать ему плечо, он вдруг схватил её за руку.

Хватка была стальной. Агата вскрикнула, попыталась вырваться, но он держал её как в тисках. Его глаза оставались закрытыми, но из горла вырвался хрип:

— Не трогай меня. Дай мне умереть.

Агата замерла. Он говорил не как капризный раненый. Он говорил, как человек, который действительно хочет умереть. Как человек, который уже всё для себя решил.

— Не дам, — сказала она твёрдо. — Ты у меня не умрёшь, понял? Ты будешь жить, даже если я тебя к столу привяжу. А сейчас отпусти мою руку, иначе я волью тебе в глотку полную кружку крапивы. Она горькая, но живучим делает.

Он не отпустил. Но его хватка ослабла ровно настолько, чтобы Агата могла вытащить руку. А потом он провалился в беспамятство, и его дыхание выровнялось.

Агата сидела рядом, глядя на него, и думала о том, что её жизнь, такая размеренная и предсказуемая, только что разделилась на «до» и «после».

Она взглянула на мёртвые цветы на подоконнике.

Потом на его лицо — бледное, острое, красивое в своей угрозе.

— Может, я зря тебя спасла, — прошептала она. — Но я не умею иначе.

Она встала, заварила чайник и пошла обрабатывать его

раны, потому что больше делать было нечего.

А за окном, у самой калитки, уже ждала вторая «жучка». Но Агата её не видела. Она смотрела на свет, который пробивался сквозь щели в тучах, и чувствовала, что ночью будет буря.

Не на небе. В душе.